

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/07>

Себелева А.В.

ТВОРЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ М. ЦВЕТАЕВОЙ И Б. ПАСТЕРНАКА

Аннотация. Настоящая статья исходит из того, что проблема взаимодействия и взаимовлияния стоит в литературоведении достаточно остро. В связи с этим актуальность исследования обусловлена, во-первых, соответствием приоритетному направлению современного литературоведения, связанному с компаративистским анализом текста, во-вторых, необходимостью раскрытия глубокого теоретико-художественного содержания творческой коммуникации таких художественных индивидуальностей XX столетия, как М. Цветаева и Б. Пастернак, чье наследие еще содержит множество лакун. В методологической основе исследования лежит комплексный подход, включающий сравнительно-исторический, историко-литературный, сравнительно-типологический, системно-аналитический и биографический методы, а также метод компаративистики, позволяющий изучать литературные аналогии и связи разных национальных литератур, преломление их в текстах изучаемых авторов. Герменевтика способствовала ментальному осмыслению анализируемых текстов, психической переработке текстовой информации. Важным эпизодом истории мировой поэзии была переписка-диалог знаковых для своего времени поэтов: М. Цветаевой и Б. Пастернака. Переписка ценна не только тем, что показывает нам жизнь поэтов в соотношении со временем. Очень важен творческий аспект переписки. Явленное в ней сближение и заодно с этим отталкивание носило глубоко творческий характер и оставило в наследии всех ее участников глубокие следы. Поэты, пусть и в разной степени, сосредоточенно и страстно, стремились определить для себя суть жизни и поэзии. В ходе исследования автор статьи приходит к выводу, что, во-первых, литературный процесс отличается системностью, в которой авторы и их произведения находятся в определенных отношениях друг к другу. Во-вторых, тринадцатилетняя переписка М. Цветаевой с Б. Пастернаком была очень значимой для литературы. Благодаря взаимному общению, творческому взаимодействию поэты создали уникальные, глубокие в эмоциональном плане произведения.

Ключевые слова: М. Цветаева; Б. Пастернак; творческий диалог; сравнительное литературоведение; поэзия.

Сведения об авторе: Себелева Анастасия Валериевна, ORCID: 0000-0002-9545-0105, канд. филол. наук, Нижевартовский государственный университет, Россия, г. Нижевартовск, sebelevaa@mail.ru

Sebeleva A.V.

CREATIVE COMMUNICATION OF ARTISTIC SYSTEMS

M. TSVETAeva AND B. PASTERNAK

Abstract. This article proceeds from the fact that the problem of interaction and mutual influence is quite acute in literary studies. In this regard, the relevance of the research is due, firstly, to the correspondence to the priority direction of modern literary studies associated with the comparative analysis of the text, and secondly, to the need to disclose the deep theoretical and artistic content of creative communication of such artistic personalities of the XX century as M. Tsvetaeva and B. Pasternak, whose legacy still contains many lacunae. The methodological basis of the research is an integrated approach, including comparative-historical, historical-literary, comparative-typological, system-analytical and biographical methods, as well as the method of comparative studies, which allows to study literary analogies and connections of different national literatures, their refraction in the texts of the authors studied. Hermeneutics contributed to the mental comprehension of the analyzed texts, the mental processing of textual information. An important episode in the history of world poetry was the correspondence-dialogue of iconic poets for their time: M. Tsvetaeva and B. Pasternak. Correspondence is valuable not only because it shows us the life of poets in relation to time. The creative aspect of correspondence is very important. The rapprochement manifested in it and at the same time the repulsion was deeply creative and left deep traces in the legacy of all its participants. Poets, albeit to varying degrees, concentrated and passionately, sought to define for themselves the essence of life and poetry. In the course of the research, the author of the article comes to the conclusion that, firstly, the literary process is characterized by a systematic nature in which authors and their works are in certain relationships to each other. Secondly, the thirteen-year correspondence of M. Tsvetaeva with B. Pasternak was very significant for literature. Thanks to mutual communication, creative interaction, the poets created unique, emotionally deep works.

Keywords: M. Tsvetaeva; B. Pasternak; creative dialogue; comparative literature; poetry.

About the author: Sebeleva Anastasia Valerievna, ORCID: 0000-0002-9545-0105, Candidate of Philological Sciences, Nizhnevartovsk State University, Russia, Nizhnevartovsk, sebelevaa@mail.ru

Себелева А.В. Творческая коммуникация художественных систем М. Цветаевой и Б. Пастернака // Нижневартковский филологический вестник. 2021. № 2. С. 74-82. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/07>

Sebeleva, A.V. (2021). Creative Communication of Artistic Systems M. Tsvetaeva and B. Pasternak. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 74-82. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/07>

Одна из главных особенностей литературного процесса заключается в постоянном взаимодействии литератур, в усвоении (и преодолении) одной литературой художественного опыта другой. Различают литературу, оказывающую влияние, воспринимающую влияние и так называемого посредника. Творческое взаимодействие может возникнуть не только между литературами, но и между отдельными творческими личностями. В связи с этим возникает проблема эпигонства.

Сравнительно-историческое изучение русской словесности дает возможность рассмотреть одну из таких закономерностей литературного процесса как взаимовлияния, которые могут быть полемическими или преемственными. Но даже последние при всей внутренней потребности, при всех, по выражению А.Н. Веселовского, «встречных течениях» воспринимающей стороны сопровождаются модификациями заимствованных образцов в зависимости от национальных традиций и своеобразия творческих манер.

Творческие связи, односторонние и взаимные, не следует отождествлять с типологическими аналогиями, потому что, во-первых, контакты могут порождать не только сходство, но и споры, во-вторых, типология обнаруживает общность литературных явлений, не зависящую от влияния, исследует их сущность и видоизменения.

В науке принято говорить о взаимодействии этих подходов к изучению словесности, поскольку в основе их лежит сравнение. Одни ученые склонны относить типологию к разновидностям сравнительно-исторического литературоведения, другие полагают, что типологическое рассмотрение литературных явлений сложилось как особое самостоятельное научное направление. Ученые, исследующие творчество М. Цветаевой и Б. Пастернака, рефлектирующие над процессами взаимодействия литератур и персоналий, в настоящий момент опубликовали значимые научные работы. Например, научные работы Ю. Шатина «Сюжетный код двух поэм о «невстрече»: «Попытка комнаты» vs «Спекторский»» (Шатин 2017: 79-86), О. Култышевой, А. Белькова «Своеобразие образа Музы в позднем творчестве М. Цветаевой (на примере поэмы «На красном коне»)» (Култышева, Бельков 2016: 95-98), О. Култышевой, А. Белькова «Бессонница как муза (на примере анализа цикла стихотворений М. Цветаевой «Бессонница»)» (Култышева, Бельков 2017: 17-20), Н. Бочкаревой, И. Новокрещенных «Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедиальности (опыт кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета)» (Бочкарева, Новокрещенных 2017: 9: 117-130); учебное пособие для магистрантов-филологов Е. Завьяловой «Русско-зарубежные литературные связи» (Завьялова 2008); сборник статей, результат работы круглого стола, посвященного проблемам междисциплинарных взаимодействий, традиций и новаторства в национальных литературах, а также актуальным вопросам теории национального историко-литературного процесса, различным аспектам национального литературоведения на современном этапе (Национальные литературы 2019).

Плеяда поэтов Серебряного века представлена несколькими замечательными именами, среди которых М. Цветаева и Б. Пастернак – одни из самых ярких. Эти имена в поэтическом мире неразрывно связаны. Хотя трудно найти более контрастных по своей сущности людей.

Горячая эпистолярная дружба-любовь между Борисом Пастернаком и Мариной Цветаевой началась с июня 1922 года. «Это была настоящая дружба, подлинное содружество и истинная любовь, и письма, вместившие их, являют собой не только подробную и настежь распахнутую историю отношений, дел, дней самих писавших, но и автопортреты их, без прикрас и искажений». (Так напишет впоследствии Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой).

Стихотворный «пожар» Цветаевой, вызванный перепиской с Пастернаком, продолжался много лет, начиная с берлинского «Неподражаемо лжёт жизнь...» вплоть до написанного в 1934 году «Тоска по родине! Давно...» – в общей сложности около сорока произведений. Эти творения Марины Ивановны представляют собой огромный монолог, в котором изредка угадываются реплики адресата. «Адресат – всего лишь повод, чтобы стихи явились: Пастернак был лучшим из таких поводов...» (Шевеленко 2002: 182). С ним она могла говорить, как с самой собой. Этот монолог растекается по разным руслам, охватывает всё основное в миропонимании Цветаевой, в том числе и «мнимости», которые составляли смысл её жизни: душа, поэзия, любовь, Россия, разлука. Она была уверена в том, что Пастернак разделял эти «мнимости». В Пастернаке для неё главным был – Поэт, собрат, «равносущий», способный откликнуться на любой её звук. Поэтому её монолог, обращенный к нему, видоизменялся и ширился, оборачиваясь то восторгом, то торжественной речью, то призывом или рыданием, то пламенной страстью.

Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце – шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!<...>
«Все плакали, и если кровь болит...
Все плакали, и если в розах – змеи»...
Но был один – у Федры – Ипполит!
Плач Ариадны – об одном Тезее!<...>
Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо небывших!<...>
О по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого – незрячей!)
Я проводы вверяю проводам,
И в телеграфный столб упершись – плачу

(Цветаева 1997 Т. 1: 94).

Для Цветаевой важнее отдать, чем присвоить. Она делает это в стихах, письма не могли вместить интенсивности её чувств. Поэтесса считала: энергия чувств движет миром. В этом Цветаева идет за Пастернаком, определившим, что «мирозданье – лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной».

Пастернак же так же щедро брал, как она давала. Его восторг перед поэзией Цветаевой, отклики на всё, что она ему посылала, возмещали ей недооценку критиков. Он сумел быть таким, каким она хотела его видеть. «Сумейте, наконец, быть тем, кому это *нужно* слышать, тем бездонным чаном, ничего не задерживающим (*читайте внимательно!!!*), чтоб сквозь Вас – как сквозь Бога – ПРОРВОЙ!» (Рильке Р.М. и др. 1990: 113).

Пастернак не так дихотомически разделял в себе поэта и человека, как Цветаева. Он не был романтиком, точнее не был так романтически бескомпромиссен, а ее романтизм был бескомпромиссным служением собственной душе. С Пастернаком их роднит нескончаемая любовь к поэзии и жизни, рассуждения о ее сути.

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской.
Через край – и мимо
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих

(Цветаева 1997 Т. 1: 157).

В этих строчках – жажда жизни. Эти стихи не «льются, а рвутся», они врываются в наше сознание, как ветер. Пастернаковские размышления о жизни более сдержанные, они философичны:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.
На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь пройти – не поле перейти

(Пастернак 1989 Т. 1: 112).

Но и для Цветаевой, и для Пастернака жизнь одновременно и радость и драма. Больше всего поэтов связывает максималистское отношение к поэзии: они оба уверены, что только готовность к нелегкой душевной работе обусловит не только муки творчества, но и настоящую творческую радость:

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Но строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

(Пастернак 1989 Т. 1: 163)

Ср.:
Летят они – написанные наспех,
Горячие от горести и нег.
Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век

(Цветаева 1997 Т. 1: 233).

У Пастернака со своим лирическим «Я» наблюдалась полная гармония (почему это «Я» и кажется слабым). Цветаева за себя непрерывно боролась, вечно к себе пробиралась и отчаянно сражалась с биологическим носителем собственной гениальности, что и составляло главный сюжет ее лирики. У Пастернака никогда не было противопоставления духовного и телесного – у Цветаевой на нем стоит все. Цветаеву терзают взаимоисключающие желания: то «Еще меня любите за то, что я умру!» – то «Разлюбите меня все, разлюбите!». То – «Взглянул, так и знакомый, зашел, так и живи», то – «Помолитесь обо мне в райской гавани, чтобы не было других моряков».

Пастернак яснее и искреннее в письмах к Цветаевой. Она тоньше, точнее, афористичнее. Она всегда писала ему о его стихах то, что думала – правду. И нелицеприятную тоже. Более чем трезво и ясно она сообщает ему о его неудачах. Она острейшим образом реагирует даже на намек на светскую конъюнктуру. По сути, равновеликие поэты – Цветаева и Пастернак – разговаривают в письмах обо всем: важном и вроде бы неважном. Цветаева жалуется на быт, действительно нелегкий, что в Чехии, что во

Франции. Пастернак – на условия жизни в коммунальной квартире, бывшей родительской. Обращения к Цветаевой полны бытовых уподоблений. Цветаева пишет ему из Берлина, из Праги, из Парижа. Жизнь перемещает Цветаеву, бросает ее из места в место. И страшное напряжение сопровождает эти перемещения.

Отношения Марины Цветаевой и Бориса Пастернака – это одна из самых трагичных страниц русской поэзии. А переписка двух великих поэтов – это намного больше, чем письма двух увлеченных друг другом людей. В юности их судьбы шли как будто параллельно и во время редких пересечений не трогали молодых поэтов.

Эпистолярный роман Бориса Пастернака и Марины Цветаевой давно канул в прошлое, но остались произведения, рожденные этими мгновениями. Влияние на творчество Цветаевой её переписки с Пастернаком было значительным, ибо влияние это выражалось не в степени присвоения, поглощения одной личностью – другой, не в той или иной мере «ассимиляции»; нет, выявлялось оно в определившейся нацеленности творческой самоотдачи Цветаевой – самоотдачи, обретшей конкретного адресата.

Всё, что было создано ею в двадцатые годы и начале тридцатых, в пору её творческой зрелости и щедрости, кем бы и чем бы ни вдохновлялось это созданное, – всё это, от сердца к сердцу, было направлено, нацелено на Пастернака, фокусировано на него, обращено к нему, как молитва.

В нём она обрела ту опору, которая единственно вмещала её с той же жадностью, с какой она творила, жила, чувствовала. Пастернак любил её, понимал, никогда не судил, хвалил – и возведённая кладкой стена его хвалы ограждала её от несовместимости с окружающим, от неуместности в окружающем...

Длилась их переписка более 10 лет, и за все эти годы они ни разу не встретились. Встречи постоянно переносились в силу трагических обстоятельств. В июне 1935-го года в Париже, на Международном антифашистском конгрессе писателей в защиту культуры, на который Пастернак прибыл как член советской делегации литераторов, состоялась долгожданная встреча двух сердец. Зал рукоплескал ему стоя, а Марина Ивановна скромно присутствовала там как рядовой зритель. Однако эта встреча стала, по словам Марины, «невстречей». Когда два этих талантливейших человека оказались рядом, вместо страстных объятий и признаний в любви поэты пили чай и вяло разговаривали о литературе и музыке. Эта «невстреча» предопределила дальнейшие судьбы поэтов. Им не суждено было быть вместе:

О прозе, о поэзии – всё мимо –
Подавленности тягостной печать.
У всех невстреч закон неумолимый –
Друг другу людям не дано понять!

И всё же, несмотря на разные точки зрения об отношениях двух великих художников, исходя из содержания их писем, можно сделать вывод о том, что для Марины Цветаевой Пастернак был значимым, дорогим и горячо любимым человеком.

Цветаева и Пастернак писали друг другу с полной отдачей, словно сгорая заживо едва ли не в каждом письме. При этом уровень интеллектуального напряжения был не меньше, чем уровень напряжения эмоционального. Эпистолярный диалог не прояснял «человеческие отношения» поэтов, но их властно формировал, служил не аккомпанементом или комментарием к стихам и прозе, но варьировал, усложнял и обогащал то, что было уже проговорено, и одновременно становился основой для будущих поэтических свершений. Читать письма Пастернака и Цветаевой следует лишь так же, как их стихи. Стараясь понять, что эпистолярный диалог неотделим от двух могучих поэтических потоков, но в то же время никак им не тождествен. Помня о том, как по-разному жили и осуществлялись в слове Цветаева и Пастернак.

Таким образом, несмотря на то, что Цветаева находит в переписке и творчестве Пастернака отзвук своих тем и чувств, притяжение-отталкивание этих поэтов очевидно. Пастернак не отделяет эмоции лирического героя от себя, как поэта и человека, в то время как в поэзии Цветаевой встречается многоголосие. Пастернак для нее был реальным и воображаемым героем-адресатом одновременно, а ее обращения к нему афористичны и эмоциональны. Пастернак же в своих произведениях, посвященных Цветаевой, более открыт и философичен. Но в судьбах и творчестве этих поэтов отразилась драма истории, роковых поворотов судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарева Н., Новокрещенных И.А. Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедиальности (опыт кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. №. 2. С. 117-130.

Завьялова Е.Е. Русско-зарубежные литературные связи. Астрахань: Астраханский университет, 2008.

Култышева О.М., Бельков А.Е. Бессонница как муза (на примере стихотворения М. Цветаевой «Бессонница») // Нижневартковский филологический вестник. 2017. № 1. С. 18-20.

Култышева О.М., Бельков А.Е. Своеобразие образа Музы в позднем творчестве М. Цветаевой (на примере поэмы «На красном коне») // Восемнадцатая всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2016. С. 95-98.

Ганиева А.Ф., Миннуллина Ф.Х., Надыршина Л.Р. Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11 сентября 2019 г., г. Казань): сб. ст. Вып. 1. Казань: ИЯЛИ, 2019.

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5-ти т. Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1912–1931 / Сост. и коммент. Е.В. Пастернак, К.М. Поливанова. М., 1989.

Рильке Р.М., Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Письма лета 1926 года / Сост. и подгот. текста К.М. Азадовского, Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака и др. М., 1990.

Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. Кн. 2: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997.

Шатин Ю.В. Сюжетный код двух поэм о «невстрече»: «Попытка комнаты» vs «Спекторский» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 79-86.

Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002.

REFERENCES

Bochkareva, N., & Novokreshchennykh, I.A. (2017). Problemy vzaimodeistviya literatury i drugih iskusstv v kontekste intermedial'nosti (opyt kafedry mirovoi literatury i kul'tury Permskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 9(2), 117-130. (in Russian).

Zav'yalova, E.E. (2008). Russko-zarubezhnye literaturnye svyazi. Astrakhan'. (in Russian).

Kultysheva, O.M., & Bel'kov, A.E. (2017). Bessonitsa kak muza (na primere stikhotvoreniya M. Tsvetaevoi "Bessonitsa"). *Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik*, (1), 18-20. (in Russian).

Kultysheva, O.M., & Bel'kov, A.E. (2016). Svoeobrazie obraza Muzy v pozdnem tvorchestve M. Tsvetaevoi (na primere poem "Na krasnom kone"). In *Vosemnadtsataya vserossiiskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, Nizhnevartovsk*, 95-98. (in Russian).

Ganieva, A.F., Minnullina, F.Kh., & Nadyrshina, L.R. (2019). Natsional'nye literatury na sovremennom etape: nauchnye kontseptsii i gipotezy: kruglyi stol, posvyashchennyi 80-letiyu sozdaniya Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Kazan. (in Russian).

Pasternak, B.L. (1989). Sbranie sochinenii. In 1, Stikhotvoreniya i poem, 1912–1931. Moscow. (in Russian).

Ril'ke, R.M., Tsvetaeva, M.I., & Pasternak, B.L. (1990). Pis'ma leta 1926 goda / Sost. i podgot. teksta K.M. Azadovskogo, E.V. Pasternak, E.B. Pasternaka i dr. Moscow. (in Russian).

Tsvetaeva, M.I. (1997). Sbranie sochinenii. 1. In *Stikhotvoreniya*, Mnukhina. Moscow. (in Russian).

Shatin, Yu.V. (2017). Syuzhetnyi kod dvukh poem o «nevstreche»: "Popytka komnaty" vs "Spektorskii". *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. (2), 79-86. (in Russian).

Shevelenko, I.D. (2002). Literaturnyi put' Tsvetaevoi: Ideologiya – poetika – identichnost' avtora v kontekste epokhi. Moscow. (in Russian).

© Себелева А.В., 2021